

По ту сторону второго неба



12+

Филипп Тагиров

Филипп Тагиров

По ту сторону второго неба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56903846

SelfPub; 2020

Аннотация

Вы в детстве летали? Не на самолете или дельтаплане, а по-настоящему? А быть может, летаете и по сей день? Или выходите под манящее небо, рветесь туда всем своим существом – но тело остается приковано узами гравитации? Если да, то эта история для вас и про таких, как вы. И еще она про взросление, про магию, которая может быть утрачена, и про то, почему.

– Когда я увидел, что по набережной передо мной идут две женщины с лицами таитянок Гогена – в самом прямом смысле, не аллегорически, не *похожие* на таитянок Гогена, а совершенно буквально, будто они просто вышли из картины – я понял, что действительность начинает расслаиваться.

Я знаю, что многие считают его странным. У докторов наверняка нашелся бы для него вполне конкретный диагноз или даже несколько. Но он не слишком жалуется всех этих мозгоправов и предпочитает носить с собой все то, что делает его мир непохожим на мир любого из нас.

Марк и раньше порой, случалось, как бы выпадал из реальности. Но этим вечером он попытался более точно описать то, что с ним происходит. «Ты не теряешь ощущение реальности, она никуда не пропадает, – сказал он, – это больше похоже на то, как если бы действительность вдруг расслоилась, и люди остаются в разных ее слоях».

Я встречала его на пустой станции, замотавшись в толстый шарф почти по самые глаза и спрятав руки в глубокие карманы пальто. Поезд из Москвы задерживался. Крошечное слабое солнце все ниже ложилось на горизонт, ветра не было, стужа, казалось, просто сочилась из неподвижного воздуха. Скоро уже начнет смеркаться. Наконец, поднимая снежную взвесь, показалась электричка. Налетела, погудела, остановилась. На занесенную снегом платформу из поезда сошло человека три, Марк был среди них. Его высокая, стройная фигура терялась в бесформенности зимней одежды. Он по-

дошел, радостный и, как всегда, поначалу немного смущенный, и обнял меня. Опустив край своего шарфа, я уткнулась лицом в мягкую замшу его дубленки и пару секунд так простояла. Потом взъерошила его чуть начинающие редеть черные волосы.

– Шапка где? – спросила я, и сама улыбнулась тому, как по привычке строго прозвучал мой вопрос.

Марк растерялся, потом тоже улыбнулся.

– Да ну тебя, – отмахнулся он. – Нет шапки. Я так хожу.

– Вот и дуралей, – подытожила я, взяла его за руку, и мы пошли к металлической лестнице с обледенелыми ступеньками.

Автобус недавно ушел, следующего нужно было ждать еще полчаса, и мы решили, что за это время пройдем уже две трети нашего пути.

Мы обошли продмаг, в грязных окошках которого уже зажгли тусклый желтоватый свет, и выбрали узенькую тропинку, ведущую вдоль озера. Снегу напало много, и нам, чтобы не увязнуть в сугробах, то и дело приходилось идти друг за дружкой. Разговаривать было неудобно, и мы в основном молчали. Но даже в этом молчании я чувствовала, что мы снова вместе, пусть и на какие-то несколько часов. Он был рядом, шел следом, я слышала, как скрипит снег под его сапогами. Я спросила, как Зоя, и он ответил, что все хорошо. «Хорошо, что хорошо», – сказала я.

Справа от тропинки возвышалась белая стена, собранная

из бетонных блоков, что было за ней, я так и не знала, да и не слишком об этом задумывалась. Может быть, там должно было развернуться строительство, но райсовет отчего-то передумал или в центре кто-то поменял планы. Что тут могли строить? Для кого? Если производство, то кто бы на нем работал?

Слева начиналось озеро и временами тропинка подходила вплотную к самой кромке берега. Когда шли дожди, тут можно было ненароком поскользнуться и угодить в воду – по колено, а где-то и почти по пояс. Из снега торчали сухие стебли камыша и еще какой-то травы, название которой было мне неизвестно, все просто называли ее тоже камышом, хотя камышом она не была. Темно-бурые головки камыша местами полопались, вспучившись белым пухом.

Тропинка снова вывела нас на дорогу, которая прямой линией, подобно городскому проспекту, пересекала сосновый лес. Кроны деревьев поднялись высоко над землей и стволы их с короткими обрубками сучьев казались зимой на редкость голыми. Идти стало легче. Марк поинтересовался, как мои дела, как Вита. Да как обычно дела, отозвалась я. Здесь мало новостей, он же знает. А Вита растет. Все путем, коротче.

– И сосны, – выпустив облачко пара, проговорил Марк, остановившись и оглядевшись по сторонам, – все такие же... Люблю их.

– Такие же, – согласилась я. – Куда же им деться?

– А летом как они пахнут!

Я улыбнулась. А как они пахли лет двадцать назад!

– Пойдем, – я потянула его за руку.

Лес кончился и вокруг дороги раскинулось белое поле. Вдалеке виднелся остов трактора. Сколько помню, никому не было до него никакого дела. Превратиться в большой сугроб ему мешал только гуляющий по полю ветер. Но не сейчас, сейчас ветер гулял где-то в другом месте. На тракторной трубе сидела какая-то птица, наверное, ворона.

Мы вышли к садоводческому товариществу. Занесенные снегом дачные домишки пустовали в ожидании весны. Навстречу, громыхая дверцей кузова, проехал грузовик. По скользким доскам мы осторожно перешли через придорожную канавку, миновали еще пару дачных участков и свернули налево. Здесь дорога была узкой, из-за сугробов двум машинам сейчас было бы на ней никак не разъехаться. Снова шли вдоль леса. Дачи уступили место еще одному полю. Параллельно дороге поле пересекала вереница вышек с высоковольтными проводами. Подул-таки ветер, и из принесенных им облаков стали падать редкие снежинки. Начало темнеть, фонарей здесь отродясь почти не было, те, что одиноко стояли, возвышаясь над дорогой, пока не горели.

Впереди справа показалась деревня, к ней вела еще одна проселочная дорога, по которой мы и пошли. Ветер принес запах дыма из печной трубы. Чуть горьковатый, но вкусный, отдающий человеческим теплом и уютом. Окна крайнего до-

ма были темными – Семеновы, вероятно, куда-то отъехали, в остальных уже зажгли свет. Мы дошли до нашего с Витой дома, и я открыла калитку. Большие старые деревянные ворота привалило снегом, и, будь у Марка машина, мы бы их сейчас ни в жизнь не откопали. Сад спал, чистить дорожки от снега ни у меня, ни у Виты не хватало времени, да и нужды в том не было. Из собачьей конуры вышла Агата, потянулась, мяукнула и с интересом уставилась на нас. Марк наклонился, чтобы погладить ее, но она с достоинством увернулась.

Свет в окне не горел, и я сказала Марку, что, скорее всего, Вита заснула, пока делала уроки, и чтобы он не слишком шумел.

Дверь скрипнула на плохо смазанных петлях, и мы вошли в сени. Прислонившись к стене, Марк стянул сапоги, и я стала искать для него тапочки подходящего размера. «Да брось, – видя мои затруднения, сказал Марк, – я так, ничего». «Это тут холодно, – согласилась я, – а в доме натоплено». Я тоже разулась, половики под ногами казались ледяным. Марк повесил свою дубленку на крючок и подошел к умывальнику. Повернул кран, но оттуда не вытекло ни капли. Я сказала, чтобы он воспользовался висящим тут же ручномойником и протянула ему полотенце. Вытерев руки и лицо, Марк окинул взглядом нашу немногочисленную утварь и засмотрелся на календарь давно ушедшего года с фотографией Андрея Миронова, прикрепленный кнопками к дверце в чулан. «Это Вита повесила», – не слишком убедительно

соврала я.

Когда я открыла массивную дверь, ведущую из сеней внутрь дома, меня тут же обдало теплом и запахом щей. Я поняла, что проголодалась.

– Проходи, – сказала я Марку.

Чуть пригнувшись, чтобы не удариться головой о притолоку, он зашел внутрь, я последовала за ним и захлопнула за собой дверь в сени.

Похоже, мы все-таки разбудили Виту. Она выглядывала из своей комнаты, прислонившись к деревянному косяку и сонно моргая.

– Привет, – сказал Марк.

– Привет, – пробормотала Вита и обняла его.

– Mam, представляешь, я просто прилегла с физикой... и так и заснула... с физикой! – сказала она мне, не то извиняясь, не то хвастаясь.

Я чмокнула ее в макушку.

– Я сейчас на стол накрою, – сказала я. – Кушать хочешь?

Вита рассеянно покачала головой. Похоже, она еще не совсем проснулась.

– Нет, я поела.

– Ну а просто посидишь с нами? – поинтересовался Марк.

– Ага, – пообещала Вита, – еще пять минуток полежу и приду к вам, ладно, мам?

Я согласилась, и Вита скрылась в полумраке своей комнаты.

На обеденном столе нас ждали разложенные в аккуратном беспорядке тетради и пара школьных учебников. Когда мы делаем уроки, в школу превращается весь дом. Марк улыбнулся и помог мне убрать все эти ученические сокровища. Я расстелила скатерть – еще бабушкину – и достала глубокие тарелки с синей каемкой.

Марк ел жадно, и я не знала, то ли он так проголодался, то ли соскучился по простецким щам. Потом я вспомнила, что не поставила разогреваться второе и поспешила на кухню. Проходя мимо комнаты Виты, я убедилась, что Вита снова задремала, и прикрыла дверь. Пусть отдыхает. Не последний же раз Марк к нам приехал.

Взяла с полочки за плитой спички и включила горелку. Газ, вспыхнув, издал громкое «пуфф!», и можно было ставить сковороду. Картошка, жареная с грибами, так, чтобы до румяной корочки, – именно так, как Марк, помнится, всегда любил.

Разговор, как водится, пошел уже за чаем.

– Я кое-что расскажу тебе, – начал Марк, отхлебнув из маминой чашки и аккуратно поставив ее на блюдце. – В общем больше-то некому... Зоя знает, но не все. Помнишь, мы летом втроем ездили на море? С Зоей и Егором.

Я кивнула и откусила душистый имбирный пряник.

Марк сказал, что поначалу все было, как всегда. Море, как море, лето, как лето. Они вставали пораньше, купались, завтракали, снова на море, пока не начинало зло припекать, по-

том куда-нибудь в тень – и так далее. Вечером прогуливались по набережной. И так вот неделю... пока не случилось... то, что случилось. Даже самой сложно как-то сказать об этом в одном слове.

– Мы гуляли, Зоя с Егором ушли вперед, я засмотрелся на какие-то негритянские побрякушки в сувенирном ларьке и поотстал. Огляделся – понял, что пора догонять своих. Пошел, значит, за ними, вокруг люди, туристы, местные, разные. И... оказалось, что еще более разные, чем я думал... Когда я увидел, что по набережной передо мной идут две женщины с лицами таитянок Гогена – в самом прямом смысле, не аллегорически, не *похожие* на таитянок Гогена, а совершенно буквально, будто они просто вышли из картины – я понял, что действительность начинает расслаиваться. Как луковица, знаешь.

Я положила пряник и внимательно посмотрела на Марка.

– Да, Стася, то самое. Но ты ведь понимаешь, что это не мерещится мне? Что я действительно это вижу?

Я промолчала насчет того, насколько иногда зыбкой бывает граница между «вижу» и «мерещится».

– Рассказывай, – мягко попросила я. – Или это, собственно, все?

Марк сказал, что, конечно, нет. Хотя он тогда был так потрясен увиденным, что даже не подумал, что таитянки Гогена оказались там не спроста, что они только лишь нелепое предзнаменование того, что должно было случиться потом.

Идя за Зоей с Егором, он вдруг обратил внимание на то что одежда двух женщин, которые неторопливо прогуливались впереди, взявшись за руки, каких-то не тех цветов. Не то, чтобы ненастоящих, но таких, каких он обычно не видит. Одна из них обернулась, и ее лицо – оно тоже не было обычным лицом, лицом обычного человека. Однако он тут же узнал его. «Искусство изображает лица не как они есть, но как их видит художник, – сказал Марк, – но это искусство, а ты представь, что ты вдруг видишь вокруг людей, но не так, как видишь их ты, а как их видит другой человек». И к Марку обернулась женщина с лицом, как его увидел Гоген. Марк решил, что ему показалось, пошел быстрее, поравнялся с ними, повернул голову – и, да, все так и было. И у второй женщины тоже было лицо еще одной таитянки, когда-то написанной Гогеном.

Марк понял, что совершенно не знает, как должен реагировать на это. Отвернуться, сделав вид, что ничего не произошло, дабы не смутить женщин? Заговорить? Но что сказать? «Здравствуйте, я вас видел. В музее». Попросить разрешения сфотографироваться с ними? Он предпочел сбежать. Убежать от своего чудесного открытия, объяснив себе это тем, что хочет поскорее рассказать про увиденное жене и сыну. Так он, с одной стороны, возвращался на безопасную и знакомую ему территорию, а с другой стороны, вроде бы мог не признаваться себе в том, что просто испугался, когда перед ним внезапно открылось нечто совершенно фан-

тастическое. «Когда действительность только начинает расслаиваться, ты можешь еще попытаться вернуться в те слои, где остаются большинство других людей, а можешь изо всех сил вцепиться в... как бы это сказать... во что-то неведомое, но что готово вот-вот тебе открыться, – пояснил Марк. – Это вроде как перепрыгнуть с качелей на качели».

Зоя и Егор дожидались его, присев на теплый, нагретый солнцем камень парапета. Егор самозабвенно делился с матерью подробностями своего утреннего ныряния за ракушками. Хотя улов и был небогат, рассказывал Егор с неведомым для взрослого человека упоением. Марк уже готов был сказать: «Представляешь, кого я только что видел?», но предпочел не прерывать их разговор. Сам он уже слышал сегодня эту историю во всех подробностях, пока Зоя дремала после обеда. Присев рядом, он стал рассеянно смотреть по сторонам. Неспешно прогуливались люди, парами или в окружении детей, собака, невозмутимо задрал ногу, мочилась на толстый ствол акации, в небе, подернутом легкими облачками, кружилась чайка. И тогда он вдруг заметил темноволосую девушку в светлом, цветастом сарафане, которая парила в воздухе метрах в двадцати от него, неспешно поднимаясь от земли.

Наверное, он должен был удивиться. Но, видимо, его уже захватил другой слой действительности, и вместо удивления, он ощутил восторг. Происходящее показалось ему настолько знакомым, что он, не отрывая взгляда от парящей девушки,

схватил Зою за руку и, перебив сына, возбужденно воскликнул: «Смотри!.. А ведь я тоже так умею!». Зоя удивленно огляделась. «Как? Ты о чем?» – в ее вопросе звучала явная озадаченность. «Вот так, – ответил Марк, – как она».

Марк сказал, чтобы они ждали его в отеле, и, не оборачиваясь, побежал в сторону своего видения.

На это месте его рассказа я хмыкнула.

– И ты вот так вот просто оставил их одних? – спросила я Марка.

Похоже, он не заметил легкого осуждения в моих словах.

– Конечно, – сказал Марк, – я же сказал, что вернусь.

Я чуть покачала головой.

– Ты чай-то пей. Остыл уже, небось? – я потянулась к чайнику, – Налить горячего?

Марк отмахнулся, сказав, что не страшно, и продолжил рассказ.

Девушка в цветном сарафане парила чуть выше крон самых высоких акаций. Она была босая, ветер слегка колыхал подол ее длинного платья и чуть развевал ее прямые волосы. Люди не обращали на нее никакого внимания, они остались в своем слое. Марк понял, что знает, что должен делать, и помнит, как.

Дальше мне рассказать как-то непросто. Лучше всего, если я попытаюсь пересказать его историю как бы изнутри, Марк считает, что все это происходило на самом деле, вот и я буду рассказывать, как если бы все это было вполне вза-

правду.

Он оттолкнулся от земли и, как и ожидал, почувствовал, что земля не торопится притянуть его обратно к себе. Он начал медленно дрейфовать по воздуху, потом взмахнул руками, как будто бы плыл брассом, и плавно поднялся на пару метров. Он не понимал, отчего надо было именно взмахнуть руками, ведь он был не в воде, а на его руках, в отличие от кружащей под облаками чайки, не было перьев. Просто вот так оно было. Он откуда-то это вспомнил, откуда-то из своих снов, и оно сработало.

Он стал приближаться к девушке. Теперь он уже видел ее лицо и задумчивые глаза. Заметив его, девушка обрадовалась и стала подниматься выше, как бы предлагая ему последовать за ней. И он последовал.

Люди внизу становились все меньше, как и все остальное, что осталось на земле – акации, киоск с мороженым, снующая по набережной собака превратилась в крохотную темную точку. Ветер стих, но стало чуть прохладнее. Девушка почти не шевелилась, Марку же приходилось то и дело взмахивать руками, но как-то постепенно его движения замедлились, пришло понимание, что достаточно какого-то скорее внутреннего усилия, какой-то сосредоточенности, напряжение мышц сменило *намерение* напрячь мышцы, напряжение без напряжения.

Они парили все выше. Девушка вела его за собой, не отрывая от него ни своего взгляда, ни своей радостной улыб-

ки. Посмотрев вниз, Марк обнаружил, что высота уже скрыла от них любые детали, он видел только чуть изгибающуюся линию набережной, пятнышки деревьев, крыши домов да море, раскинувшееся по левую руку и уходящее до самого горизонта. Ему показалось, что он видит, как этот самый горизонт постепенно опускает уголки своего рта, будто бы в печальной гримасе. Но облака наверху радостно лучились солнечным светом, радость сияла в глазах его спутницы, печалиться повода не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.